

Маркс и анархизм

Источник: [здесь](#)

I

Несколько лет назад, вскоре после смерти Фридриха Энгельса, г-н Эдуард Бернштейн, один из самых видных членов марксистского сообщества, удивил своих коллег рядом примечательных открытий. Бернштейн обнародовал свои сомнения по поводу точности материалистического понимания истории и марксистской теории прибавочной стоимости и концентрации капитала. Он пошел настолько далеко, что напал на диалектический метод и пришел к заключению, что разговоры о критическом социализме были невозможны. Осторожный человек, Бернштейн держал свои открытия при себе до самой смерти престарелого Энгельса; и только после этого он их обнародовал, к логичному ужасу марксистского духовенства. Но даже эта предосторожность не смогла спасти его, поскольку на него набросились со всех сторон. Каутский написал книгу против его ереси, и на Ганноверском конгрессе бедный Эдуард вынужден был объявить, что он был хилым, смертным грешником и что он подчинится решению научного большинства.

При всем том, Бернштейн не сделал никаких новых открытий. Аргументация, которую он поднимал против основ марксистского учения уже существовало тогда, когда он еще был преданным апостолом марксистской церкви. Рассматриваемые аргументы были похищены из анархистской литературы и единственное, что следует отметить, это то, что их впервые использовал один из самых известных социал-демократов. Ни один здравомыслящий человек не будет отрицать, что критика Бернштейна не смогла произвести неизгладимое впечатление в марксистском лагере: Бернштейн напал на важнейшие основы метафизической экономики Карл Маркс, и это не удивительно, что наиболее почтенные представители ортодоксального марксизма заволновались.

Ничего из этого не было бы столь серьезно, но факт в том, что это оказалось в центре еще более важно кризиса. В течение почти столетия марксисты не переставали выставлять как истину в последней инстанции, что Маркс и Энгельс были исследователями, так называемого научного социализма; искусственное различие было изобретено между так называемыми утопическими социалистами и научным социализмом марксистов, различие, которое существовало только в воображении последних. В германских странах социалистическая литература была монополизирована марксистской теорией, которую каждый социал-демократ расценивает как чистый и совершенно оригинальный продукт научных открытий Маркса и Энгельса.

Но эта иллюзия, также исчезла: современным историческим исследованием установлено, вне всякого сомнения, что научный социализм не более чем пришел от старых английских и

французских социалистов, и что Маркс и Энгельс владели мастерством мелкого воровства чужих мозгов. После революций 1848го года ужасная реакция установилась в Европе: Священный союз приступил к разбрасыванию своих сетей в каждой стране с намерением задушить социалистическую мысль, которая произвела столь богатую литературу во Франции, Бельгии, Англии, Германии, Испании и Италии. Эта литература была предана забвению почти всецело в эту эпоху мракобесия. Многие из наиболее важных работ были уничтожены, пока они не были сведены до нескольких экземпляров, которые нашли убежище в спокойствии некоторых крупных публичных библиотек или коллекциях некоторых частных лиц.

Эта литература была вновь открыта только к концу девятнадцатого — начале двадцатого столетия, и в настоящее время плодородные идеи, которые можно найти в старых писаниях школ, которые следовали за Фурье и Сен-Симоном, или работами Консидерана, Демаси, Мея и многими другими, являются источником изумления. Это был наш старый друг В. Черкезов, кто первым выступил с систематической моделью всех этих фактов: он показал, что Маркс и Энгельс не изобретатели теорий, которые столь давно считаются частью их интеллектуального наследства[1]; *он даже пошел так далеко, что доказал, что некоторые из самых известных марксистских работ, таких как, например, «Коммунистический манифест», являются на самом деле только вольными переводами с французского Марксом и Энгельсом. И Черкезов одержал победу, когда его заявления относительно «Коммунистического манифеста» были признаны «Avanti», центральным органом итальянских социал-демократов[2], после того, как у автора была возможность провести сравнения между «Коммунистическим манифестом» и «Манифестом демократии» Виктора Консидерана, появление которого предшествовало публикации брошюры Маркса и Энгельса на пять лет.*

«Коммунистический манифест» рассматривается как одна из самых ранних работ научного социализма, и его содержание было составлено из сочинений «утопистов», поскольку марксизм категоризировал Фурье с социалистами-утопистами. Это один из самых жестоких парадоксальных вымыслов и, конечно, вряд ли является свидетельством научной ценности марксизма. Виктор Консидеран был одним из самых лучших социалистических авторов, с которыми Маркс был знаком: он упоминал его даже до того как сам стал социалистом. В 1842 «Allgemeine Zeitung» напала на «Rheinische Zeitung», в которой Маркс был главным редактором, обвиняя ее в симпатиях к коммунизму. Маркс тогда ответил в редакционной статье, в которой заявил следующее: «(...) такие произведения, как труды Леру, Консидерана, и, в особенности, остроумную книгу Прудона нельзя критиковать на основании поверхностной минутной фантазии, а только после упорного и углублённого изучения (...)»[3]*

Интеллектуальное развитие Маркса находилось в большой степени под влиянием французского социализма; но из всех социалистических авторов Франции, самое сильное влияние оказал на его мысли П. Ж. Прудон. Очевидно, что книга Прудона «Что такое собственность?» привела Маркса в объятия социализма. Его критические замечания относительно национальной экономики и различных социалистических тенденций открыли Марксу совершенно новый мир, и ум Маркса был больше всего впечатлен, прежде всего, теорией прибавочной стоимости, как это изложено у вдохновившего [его] французского

социалиста. Мы можем найти истоки учения прибавочной стоимости, это великое «научное открытие», которым наши марксисты настолько гордятся, в трудах Прудона. Именно благодаря ему Маркс познакомился с той теорией, к которой он добавил изменения посредством своего более позднего исследования английских социалистов Брея и Томпсона.

Маркс даже публично признал огромное научное значение Прудона, и в специальной книге, которая сегодня полностью разошлась, он называет работу Прудона «Что такое собственность?» «Первым научным манифестом французского пролетариата». Эта работа не была переиздана марксистами, и при этом она не была переведена на другие языки, даже притом, что официальные представители марксизма приложили все усилия, чтобы распространить писания своего наставника на каждом языке. Об этой книге забыли, и причиной этого является то, что: ее переиздание показало бы миру колоссальные глупости и неуместность всего того, что Маркс писал позже о том выдающемся теоретике анархизма.

Маркс не только находился под влиянием экономических идей Прудона, но он также испытывал влияние анархистских теорий великого французского социалиста, и в одной из своих работ того периода он нападает на государство тем же самым путем, что проделал и Прудон.

II

Все, кто серьезно изучал развитие Маркса как социалиста, должны будут признать, что работа Прудона «Что такое собственность?» была тем, что обратило его в социализм. Для тех, кто не имеют точных знаний о деталях этой эволюция и те, кто не имел возможности ознакомиться с ранними социалистическими работами Маркса и Энгельса, это утверждение покажется неуместным и неправдоподобным. Потому что в своих более поздних работах Маркс говорит о Прудоне зло и с насмешкой, и эти самые работы, которые социал-демократия приняла решение опубликовать и опубликовать раз за разом.

Таким образом, постепенно формировалась вера в то, что Маркс был теоретическим противником Прудона с самого начала, и что между ними никогда не было никаких точек соприкосновения. И, по правде сказать, невозможно думать иначе всякий раз, когда смотришь на то, что тот написал о Прудоне в своей знаменитой работе «Нищета философии», в «Коммунистическом манифесте», или в некрологе, изданном в «Sozialdemokrat» в Берлине, вскоре после смерти Прудона.

В «Нищете философии» Маркс нападает на Прудона низменным способом, не чураясь ничего, чтобы показать, что идеи Прудона являются ничего не стоящими и что он не считается ни социалистом, ни критиком политической экономии.

«К несчастью г-на Прудона его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там он слывет за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признается право быть плохим философом, потому что там он слывет за одного из сильнейших французских экономистов. Принадлежа одновременно к числу и немцев и экономистов, мы намерены протестовать

против этой двойной ошибки»[4]*.

И Маркс пошел еще дальше: не приводя никаких доказательств, он обвинил Прудона в плагиате идей английского экономиста Брея. Он писал:

“ «(...) г-н Брей еще мало известен во Франции (...) в произведениях[5]* этого писателя мы нашли, как нам кажется, ключ ко всем прошлым, настоящим и будущим сочинениям г-на Прудона».

Интересно обнаружить Маркса, который так часто использовал идеи других и чей «Коммунистический манифест» является на самом деле всего лишь копией «Манифеста демократии» Виктора Консидерана, обвиняющего других в плагиате.

Но давайте продолжим. В «Коммунистическом манифесте» Маркс изображает Прудона характерным консерватором, буржуа[6]*. И в некрологе, написанным им для «Sozialdemokrat» (1865), мы можем найти следующее:

«В строго научной истории политической экономии книга эта [“Что такое собственность?”] едва ли заслуживала бы упоминания. Но подобного рода сенсационные произведения играют свою роль в науке, так же как и в изящной литературе».

И в этом некрологе Маркс вновь утверждает, что Прудон ничего не стоит как социалист и экономист, мнение, которое он уже высказал в «Нищете философии».

Не трудно понять, что утверждения подобные этому, направленные против Прудона Марксом, могли только распространить веру, или скорее убежденность, что абсолютно никакие точки соприкосновения никогда не существовали между ним и этим великим французский автором. В Германии Прудон почти неизвестен. Немецкие издания его произведений, выпущенные около 1840го года, распроданы. Только одна из его книг опубликована на немецком языке «Что такое собственность?», и даже она лишь ограниченным тиражом. Это дало Марксу возможность уничтожить все следы своего раннего развития как социалиста. Мы уже видели выше, что его отношение к Прудону был совсем иным в начале, и последующие выводы подтверждают наши утверждения.

Как главный редактор «Rheinische Zeitung», одной из ведущих газет немецкой демократии, Маркс познакомился с наиболее важными социалистическими авторами Франции, хотя сам он еще не поддерживал дело социализма. Мы уже приводили цитату из него, в которой он ссылается на Виктора Консидерана, Пьера Леру и Прудона, и не может быть никаких сомнений, что Консидеран и Прудон были наставниками, которые привели его к социализму. Вне всякого сомнения, «Что такое собственность?» оказала большое влияние на развитие Маркса как социалиста; таким образом, в упомянутом журнале, он называет вдохновленного Прудона «самым последовательным и мудрейшим из социалистических писателей»[7]. В 1843м году прусский цензор заставил «Reinische Zeitung» замолчать; Маркс покинул страну, и именно в этот период он пришел к социализму. Это изменение довольно заметно в его письмах к известному писателю Арнольду Руге, в еще большей степени в его работе «Святое семейство, или критика критической критики», которую он издал совместно с

Фридрихом Энгельсом. Книга вышла в 1845м году с целью выступить против тенденции, возглавляемой немецким мыслителем Бруно Бауэром[8]. В дополнение к философским вопросам, в книге рассматривались политическая экономия и социализм, и в особенности эти части нас здесь интересуют.

Из всех работ, изданных Марксом и Энгельсом, «Святое семейство» — единственное, которое не было переведено на другие языки и которое не переиздали немецкие социалисты. Правда, Франц Меринг, литературный душеприказчик Маркса и Энгельса, издал, по подсказке немецкой социалистической партии, «Святое семейство» наряду с другими их работами ранних лет как активных социалистов, но это было сделано спустя шестьдесят лет после первого выпуска, и, кроме того, их публикация была предназначена для специалистов, так как они были слишком дорогими для рабочего человека. Кроме этого, Германии столь мало знают Прудона, что только лишь очень немногие поняли, что существует огромный разрыв между первоначальными оценками, которые Маркс выражал в отношении него и теми, которые он выразил в отношении него в дальнейшем.

И все же книга наглядно демонстрирует развитие марксова социализма и сильное влияние, которое Прудон обладал над этим развитием. В «Святом семействе» Маркс признал, что у Прудона были все достоинства, которыми позже марксисты наделили своего наставника.

Давайте посмотрим, что он говорит в этой связи на стр. 36:

“ «Все рассуждения политической экономии имеют своей предпосылкой частную собственность. Эта основная предпосылка принимается ею в качестве непреложного факта, не подвергаемого ею никакому дальнейшему исследованию, — больше того, в качестве такого факта, которого политическая экономия касается только “случайно”, как наивно признаётся Сэй[9]*. Прудон же подвергает основу политической экономии, частную собственность, критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершённый им, — прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии. Произведение Прудона “Что такое собственность?” имеет такое же значение для новейшей политической экономии, как произведение Сиейеса “Что такое третье сословие?” для новейшей политики».

Интересно сравнить эти слова с тем, что Маркс говорил позднее о великом анархистском теоретике. В «Святом семействе» он говорит, что «Что такое собственность?» является первым научным анализом частной собственности, и что это открыло возможность для создания настоящей науки о национальной экономике; но в своем известном некрологе для «Sozialdemokrat» тот же самый Маркс утверждает, что в строго научной истории экономики, эта работа едва ли будет достойна упоминания.

Что стоит за этим противоречием? Это что-то, что представители так называемого научного социализма должны все же ясно дать понять. В реальности есть только один ответ: Маркс

хотел скрыть источник, в который он погружался. Все, кто изучал этот вопрос и не чувствуют себя перегруженными пристрастными привязанностями, должны признать, что это объяснение не является надуманным.

Но давайте еще раз послушаем то, что Маркс говорил об историческом значении Прудона. На странице 52 того же произведения мы читаем:

“ «Прудон не только пишет в интересах пролетариев: он сам пролетарий, *ouvrier*. Его произведение есть научный манифест французского пролетариата (...)»

Здесь, как можно видеть, Маркс заявляет вполне определенно, что Прудон является образцом пролетарского социализма и что его работа представляет собой научный манифест французского пролетариата. С другой стороны в «Коммунистическом манифесте» он уверяет нас, что Прудон — воплощение консервативного, буржуазного социализма. Могли бы быть более острый контраст? Какому Марксу мы должны верить, автору «Святого семейства», или «Коммунистического манифеста»? И откуда возникло расхождение? Этот вопрос мы задаем себе снова, и, естественно, отвечаем так же, как раньше: Маркс хотел скрыть от всех, только то, что он обязан Прудону, и любые средства для достижения этой цели являются приемлемыми. Не может быть никакого другого возможного объяснения; средства, которые Маркс позднее использовал в своем противоборстве с Бакуниным, свидетельствуют, что он не был очень щепетильным в своем выборе.

«Чтобы устранить *противоречие*, существующее между назначением администрации и её доброй волей, с одной стороны, и имеющимися у неё средствами и возможностями — с другой, государство должно было бы устранить само себя, ибо само оно имеет своей основой это противоречие. Государство зиждется на противоречии между *общественной и частной* жизнью, на противоречии между *общими интересами и интересами частными*. Администрация вынуждена поэтому ограничиваться *формальной и отрицательной* деятельностью; ибо там, где начинается гражданская жизнь и гражданская работа, там кончается власть администрации. Больше того, перед лицом следствий, вытекающих из *антисоциальной* природы этой гражданской жизни, этой частной собственности, этой торговли, этой промышленности, этого взаимного ограбления различных кругов граждан, — перед лицом всех этих явлений *бессилие* администрации оказывается для неё *законом природы*. Ибо эта раздробленность, эта мерзость, это *рабство гражданского общества* есть та естественная основа, на которой зиждется *современное* государство, подобно тому как *рабовладельческое гражданское общество* было той естественной основой, на которой зиждилось *античное* государство. Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом. Античное государство и античное рабство — эти неприкрытые *классические* противоположности — были *прикованы* друг к другу не в большей степени, чем современное государство и современный торгашеский мир, эти лицемерно-прикрашенные *христианские* противоположности».

Эта чрезвычайно анархистская интерпретация природы государства, которая кажется настолько странной в контексте более позднего марксова учения, является ясным

доказательством анархистских корней его раннего социалистического развития. Рассматриваемая статья отражает понятие прудоновского критического анализа государства, критический анализ, впервые изложенный в его знаменитой книге «Что такое собственность?» Это бессмертное произведение оказало решающее влияние на развитие немецкого коммуниста, невзирая на который факт, он делает все возможное, и не самыми благородными методами, чтобы отвергнуть первые дни своей социалистической деятельности. Конечно, в этом марксисты поддерживают своего господина, и таким образом постепенно создается ошибочное историческое представление о ранних отношениях между Марксом и Прудонем.

В Германии циркулируют особенно сильные искажения в этом отношении, так как здесь Прудон почти неизвестен. Но чем больше кто либо знакомится с важными работами старых социалистических авторов, тем больше он понимает, насколько так называемый научный социализм обязан «утопистам», которые были, столь долго, забыты из-за колоссальной «славы» марксистской школы и других факторов, которые предавали забвению социалистическую литературу с самого раннего периода. Одним из самых важных учителей Маркса и тот, кто положил начало его последующему развитию, был никем иным как Прудон, анархист, столь оклеветанный и непонятный легальными социалистами.

III

Политические работы Маркса с этого периода, например, статья, которую он опубликовал в «VorwaertsofParis» демонстрирует, насколько оказывали на него влияние взгляды Прудона и равно его анархистские идеи. «Vorwaerts» был периодическим изданием, которое появилось во французской столице в течение 1844 года под управлением Генриха Бернштейна. Первоначально оно было либеральным по взглядам. Но позже, после исчезновения германо-французского альянса, Бернштейн связался со старыми сотрудниками последнего, которые переориентировали его на дело социализма. С тех пор «Vorwaerts» стал официальным рупором социализма и многочисленных авторов вплоть до последней публикации А. Руге, среди них был Бакунин, Маркс, Энгельс, Генрих Гейне, Георг Гервег и т.д. внесших в него свой вклад.

В 63м номере издания (7 августа 1844) Маркс опубликовал полемическую работу «Критические заметки к статье “Пруссака” “Король прусский и социальная реформа”». В этом он производил исследование природы государства и продемонстрировал его полную неспособность уменьшить социальное страдание и уничтожить бедность. Идеи, которые автор излагает в своей статье, являются совершенно анархистскими в полном соответствии со взглядами, которые Прудон, Бакунин и другие теоретики анархизма излагали в этой связи. Читатели могут сами судить для себя по следующему отрывку из исследования Маркса:

«Государство (...) никогда не усмотрит в “государстве и в устройстве общества” причины социальных недугов. Там, где существуют политические партии, каждая партия видит корень всякого зла в том, что вместо неё у кормила правления стоит другая, враждебная ей партия. Даже радикальные и революционные политические деятели ищут корень зла не в

сущности государства, а в данной определённой *государственной форме*, которую они хотят заменить *другой государственной формой*.

С *политической* точки зрения *государство и устройство общества* — не две разные вещи. Государство есть устройство общества. В той мере, в какой государство признаёт существование *социальных* недугов, оно видит их причину или *взаконах природы*, которых никакая человеческая власть не может устранить, или в *частной жизни*, которая от государства не зависит, или в *нецелесообразных действиях* зависящей от него *администрации*. Так, Англия усматривает причину нищеты *взаконе природы*, согласно которому рост народонаселения всегда должен обгонять рост средств существования. С другой стороны, та же Англия видит причину *пауперизма* в *злой воле бедных*, подобно тому как король прусский видит эту причину *внехристианских чувствах богатых*, а Конвент — в *контрреволюционном, подозрительном образе мыслей собственников*. Поэтому Англия наказывает бедных, король прусский увещевает богатых, а Конвент отрубает головы собственникам.

Наконец, *все* государства ищут причины в *случайной* или же *умышленной* *нераспорядительности администрации*, а потому в *мероприятиях* администрации они видят средство к исправлению недостатков государства. Почему? Именно потому, что *администрация* есть *организующая* деятельность государства».

20 июля 1870го года Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу: «Французов надо вздуть. Если прусаки победят, то централизация государственной мощи будет использована для централизации германского рабочего класса. Кроме того, преобладание немцев перенесет центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Достаточно сравнить движение в этих двух странах с 1866 г. до настоящего времени, чтобы видеть, что германский рабочий класс выше французского, как с точки зрения теоретической, так и организационно. Преобладание на мировой арене немецкого пролетариата над французским будет в то же время преобладанием нашей теории над теорией Прудона».

Маркс был прав: победа Германии над Францией означала новый курс для истории европейского рабочего движения. Революционный и либеральный социализм латинских стран был отброшен в сторону в пользу государственных, антианархистских теорий марксизма. Развитие того живого, творческого социализма было разрушено новым железным догматизмом, который требовал полного знания социальной действительности, когда это было едва ли больше, чем смесь теологической фразеологии и фаталистических софизмов и оказалось могилой всей подлинно социалистической мысли.

Наряду с идеями, методы социалистического движения также изменились. Вместо революционных групп для пропаганды и организации экономической борьбы, в которых интернационалисты видели зародыш будущего общества и органов, подходящих для обобществления средств производства и обмена, пришла эра социалистических партий и парламентского представительства пролетариата. Постепенно о старом социалистическом образовании, которое вело рабочих к завоеванию земли и мастерских были забыты, сменившись новой партийной дисциплиной, которая рассматривала завоевание политической власти как свой высший идеал.

Великий противник Маркса, Михаил Бакунин, ясно видел изменение в позиции, и с тяжелым сердцем предсказывал, что новая глава в истории Европы начинается с победы Германии и падения Коммуны. Физически изнуренный и глядя в лицо смерти он описал эти важные штрихи Огареву 11 ноября 1874:

“ «Бисмарксизм, который является милитаризмом, полицейской властью и финансовой монополией, спаялись в единую систему под именем Нового государства, торжествует всюду. Но, может быть, десять или пятнадцать лет изменчивая эволюция человечества вновь прольет свет, на путь, ведущий к победе».

В этом случае Бакунин ошибался, будучи не в состоянии вычислить, что пройдет полстолетия, пока бисмарксизм не будет свергнут посреди ужасного мирового катаклизма.

Также, как победа Германии в 1871м году и падение Парижской Коммуны были сигналами для исчезновения старого Интернационала, так и Первая мировая война 1914го года была демонстрацией банкротства политического социализма.

И затем что-то странное и иногда действительно гротескное стало происходить, что может быть объяснено только условиями полного незнания старого социалистического движения.

Независимые большевиков, коммунисты и так далее, бесконечно обвиняли наследников старых социал-демократов в позорной фальсификации марксистских принципов. Они обвиняли их в том, что те затащили социалистическое движение в болото буржуазного парламентаризма, извратив отношения Маркса и Энгельса к государству, и т.д., и т.д. Николай Ленин[10]*, духовный лидер большевиков, попытался дать своим обвинениям твердое обоснование в своей знаменитой книге «Государство и революция», которая является, согласно его ученикам, подлинной и чистой интерпретацией марксизма. Посредством отлично упорядоченного выбора цитат Ленин утверждает, что показал, что «основатели научного социализма» всегда были явными врагами демократии и парламентского болота, и что целью всех их усилий было исчезновение государства.

Нужно помнить, что Ленин обнаружил это только недавно, когда его партия, вопреки всем ожиданиям, оказалась в меньшинстве после выборов в Учредительное собрание. До этого большевики, точно так же как другие партии, участвовали в выборах и боялись конфликтов с принципами демократии. Они приняли участие в последних выборах в Учредительное собрание 1917го года, с грандиозной программой, надеясь получить подавляющее большинство. Но когда они нашли, что, несмотря на все они оставались в меньшинстве, объявили войну демократии и порвали с Учредительным собранием с изданной Лениным «Государство и революцией», как личным самооправданием.

IV

Безусловно, задача Ленина была не из легких: с одной стороны он был вынужден пойти на смелые уступки антигосударственным тенденциям анархистов, в то время как с другой стороны он должен был показать, что его отношение ни в коем случае не было анархистским, но чисто марксистским. Как неизбежное последствие этого, его работа полна ошибок против всей логики сути человеческой мысли. Один пример продемонстрирует это: в своем желании подчеркнуть, в максимально возможной степени, воображаемую антигосударственную тенденцию у Маркса, Ленин указывает знаменитый отрывок из «Гражданской войны во Франции», где Маркс дает свое одобрение Коммуне за то, что та начала искоренять паразитическое государство. Но Ленин не потрудился вспомнить, что Маркс в таких высказываниях был в открытом конфликте со всем, что он говорил ранее, будучи вынужденным пойти на уступки сторонникам Бакунина, против которых он был тогда занят очень ожесточенной борьбой.

Даже Франц Меринг, который не может быть заподозрен в симпатиях с большинством социалистов, был вынужден допустить, что это было уступкой в его последней книге, Карла Маркса, где он говорит: «Однако правдивостью всех деталей в этой работе может быть то, вне всякого сомнения, что взгляды, которые она содержит, противоречат всем убеждениям, которые Маркс и Энгельс провозглашали, начиная с «Коммунистического манифеста» четвертью века ранее».

Бакунин был прав, когда говорил в свое время: «Картина Коммуны в вооруженном восстании была настолько внушительна, что даже марксисты, идеи которых Парижская революция совершенно расстроила, преклонились перед действиями Коммуны. Они пошли дальше этого; вопреки всей логике и их известным осуждениям они вынуждены были связать себя с Коммуной и идентифицироваться с ее принципами и стремлениями. Это была комическая карнавальная игра, но необходимая. Поскольку энтузиазм пробужденный Революцией был таков, они были бы отклонены и отвергнуты всюду, если бы они попытались отступить в башню из слоновой кости моих догм».

V

Ленин забыл что-то еще, что-то, что имеет, конечно, первостепенную важность в вопросе. Это заключается в следующем: то, что это были именно Маркс и Энгельс, которые попытались вынудить организации старого Интернационала заняться парламентской деятельностью, таким образом, делая их прямо ответственными за полное увязание социалистического рабочего движения в буржуазном парламентаризме. Интернационал был первой попыткой объединить организованных рабочих каждой страны в один большой союз, конечной целью которого будет экономическое освобождение рабочих. С различными секциями, отличающимися по их взглядам и тактике, было необходимо заложить условия для их сотрудничества и признать полную автономию и организационную независимость каждой отдельной секции. В то время как это было сделано, Интернационал сильно вырос и процветал в каждой стране. Но все это полностью изменилось в тот момент, когда Маркс и Энгельс начали подталкивать различные национальные федерации к парламентской деятельности; впервые это произошло на плачевной лондонской конференции 1871го года, где они получили одобрение резолюции, которая закрылась в следующих сроках:

«Учитывая, что против этой коллективной власти имущих классов рабочий класс не может действовать как класс, кроме как организовавшись в политическую партию, отличную и противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами; данное переустройство рабочего класса в политическую партию обязательно, чтобы гарантировать торжество Социальной Революции, и ее конечной цели уничтожения классов; та комбинация сил, которую рабочий класс уже произвел своей экономической борьбой, должна в то же самое время служить рычагом в его борьбе против политической власти землевладельцев и капиталистов. Конференции напоминают членам Интернационала: в боевом состоянии рабочего класса, его экономическое движение и его политические выступления неразрывно едины».

То, что каждая секция или федерация Интернационала должны принять такую резолюцию, было вполне возможно, для этого пришлось бы только возложить на своих членов действовать в соответствии с ней; но, то, что Исполнительный совет должен наложить это на секции Интернационала, особенно вопрос, который не был представлен Генеральному конгрессу, был произвольным самоуправным действием в открытом противоречии духу Интернационала и обязательно должен был вызвать энергичные протесты всех индивидуалистических и революционных элементов.

Позорный конгресс в Гааге в 1872м году короновал труды, предпринятые Марксом и Энгельсом, превращая Интернационал в избирательную машину, включая положение об обязанности различных секций бороться за захват политической власти. Таким образом, Маркс и Энгельс были виновны в расколе Интернационала со всеми его вредными последствиями для рабочего движения, и именно они вызвали застой и вырождение социализма посредством политических действий.

VI

Когда вспыхнула революция в Испании в 1873м году, члены Интернационала, почти все они были анархистами, проигнорировали петиции буржуазных партий и следовали своим собственным курсом экспроприации земли, средств производства в духе социальной революции. Всеобщие забастовки и восстания вспыхнули в Алкое, Сан-Лукар-де-Баррамеде, Севилье, Картахене и в других местах, которые были потоплены в крови. Порт Картахены продержался дольше всех, оставаясь в руках революционеров, пока, наконец, не попал под огонь прусских и английских военных кораблей. В это время Энгельс пошел в резкое наступление на испанских бакунистов в «Volksstaat», призывая их к ответу за их нежелание объединить усилия с республиканцами. Если бы он прожил долго достаточно долго, как бы Энгельс раскритиковал своих коммунистических учеников в России и Германии!

После знаменитого Конгресса 1891 года, когда лидеры так называемой «Молодежи» были изгнаны из немецкой социал-демократической партии, для нивелирования тех же самых обвинений, какие Ленин выдвинул в отношении «оппортунистов» и «каутскианцев», они основали отдельную партию со своей собственной газетой «Der Sozialist», в Берлине. Первоначально, движение было чрезвычайно догматично, и его взгляды были почти идентичны взглядам сегодняшней коммунистической партии. Если, например, каждый

читает книгу Теистлера «Парламентаризм и рабочий класс», каждый встретит те же самые идеи в ленинской [книге] «Государство и революция». Как и российские большевики и члены немецкой коммунистической партии, независимые социалисты того времени отвергали принципы демократии, и отказывались принять какое бы то ни было участие в буржуазных парламентах на основе реформистских принципов марксизма.

Так что же было у Энгельса сказать относительно этих «Молодых», которые, как коммунисты, наслаждались обвинением лидеров Социал-демократической партии в предательстве марксизма? В письме к Зорге в октябре 1891, престарелый Энгельс передал следующие сердечные комментарии: «Вызывающие отвращение берлинцы стали обвиняемым вместо того, чтобы оставаться обвинителями и повели себя как несчастные трусы оказавшись вынуждены работать вне партии, если они хотят сделать что-нибудь. Без сомнения среди них есть полицейские свиньи и криптоанархисты, которые хотят работать среди наших людей. Наряду с ними, есть много тупиц, введенных в заблуждение студентов и сборище наглых фигляров. В целом, порядка двухсот человек». Было бы очень интересно узнать, каких любовных описаний Энгельса удостоились бы чести наши «коммунисты» сегодня, те, которые утверждают, что они «хранители марксистских принципов».

VII

Невозможно охарактеризовать методы старой социал-демократии. По данному вопросу у Ленина не сказано ни одного слова, и его немецкие друзья имеют даже менее того. Большинства социалистов должны помнить, говоря об этом, подробно показывать, что они являются настоящими представителями марксизма; любой знакомый с историей согласится с ними. Это был марксизм, который навязал парламентскую деятельность рабочему классу и разметил путь, которым последовала Германская социал-демократическая партия. Только тогда, когда это станет понятно, каждый осознает, что *путь социального освобождения подводит нас к счастливой земле анархизма, несмотря на оппозицию марксизма.*

Примечания

[1] *W. Tcherkesoff: Pages d'Histoire socialiste; les precurseurs de l'Internationale.* [Черкезов В. Н. Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. – М.: КомКнига, 2010]

[2] В статье, озаглавленной «Il Manifesto della Democrazia», впервые опубликованной в «Avanti» (№6 1901, 1902) ((Year 6; number 1901, of 1902) ????)

[3] *Rheinische Zeitung*, number 289, 16 October 1842. [Маркс К. Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.]

[4] *Marx: The Poverty of Philosophy, foreword.* [Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 69]

[5] Bray:Labour's Wrongs and Labour's Remedy, Leeds, 1839.

[6] *Marx and Engels: The Communist Manifesto*, page 21. [Маркс К.,Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 4. С. 454]

[7] *Rheinische Zeitung*, 7 January 1843.

[8] Б. Бауэр был одним из самых усердных членов Берлинского кружка «Свободных», в котором выдающиеся деятели из мира немецкого свободомыслия (первой половины девятнадцатого века) могли быть замечены; такие фигуры как Фейербах, автор «Сущности христианства», глубоко атеистической работы, или Макс Штирнер, автор «Единственный и его собственность». Сторонник жесткой руки думал о Карле Марксе, было обречено столкнуться со свободомыслием Б. Бауэра и его друзей, среди которых мы не должны забыть Э. Бауэра, книга которого «Der Kritik mit Kirche und Staat» [Критика церкви и государства] была полностью конфискована властями и сожжена (первое издание, 1843й год). Второму изданию (Берн, 1844й год) повезло больше. Но не автору, который был осужден и заключен в тюрьму за антигосударственные и антицерковные идеи. (Примечание редактора.)

[9] Ж. Б. Сэй, английский экономист, в чей период полное собрание сочинений Макса Штирнера были переведены на немецкий язык. Страх Карла Маркса в отношении французской анархистской мысли (как мы знаем, его «Нищета философии» является сплошной критикой «Философии нищеты» Прудона) или немецкого свободомыслия (его массивная книга «Документы социализма» является тщетной, смехотворной попыткой преуменьшить и отвергнуть «Единственного и его собственность»), также встал против этого социолога, много обсуждавшегося в то время всеми критическинастроенными по отношению к государству и пытавшимися сбросить его тиранию. (Примечание редактора.)10

[10] Один из псевдонимов Владимира Ильича Ульянова (1870-1924), вошедшего в историю под псевдонимом «Ленин» – прим. пер.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 23 июля 2025 05:06:02

██████████ ██████████ обновил 23 июля 2025 05:13:26